

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26>

К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрков

© 2024 г. Самашев З., Айткали А.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Tarbagatai, Eleke sazy, Kimaks, Karluks, burial with a horse, belt set

Түйін сөздер: археология, орта ғасыр, Тарбағатай, Елеке сазы, қимақтар, қарлуқтар, жылқымен бірге жерлеу, белдік жиынтығы

Ключевые слова: археология, средневековье, Тарбағатай, Елеке сазы, кимаки, карлуки, погребение с конем, поясной набор

Zainolla Samashev¹ and Azat Aitkali^{1*}

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-7171-3003](https://orcid.org/0000-0002-7171-3003) E-mail: archaeology_kz@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Ph.D., Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-2476-3999](https://orcid.org/0000-0002-2476-3999) E-mail: azza_semsk@mail.ru

To the study of the significance of ancient turks male belt sets

The article is devoted to the analysis and interpretation of materials discovered during the study of barrow no. 3 of the ancient Turkic era of the Eleke Sazy archaeological complex on the territory of Tarbagatai. The burial facility is located in the immediate vicinity of the cult-memorial complex of the Kagan-princely type. In the barrow, the burial of an individual with a horse and a rich set of accompanying equipment, which included items of military service, elements of horse decoration and household items, was investigated. Of particular interest is the belt set, consisting of 16 metal plaques of various configurations, which indicates the high social status of the buried individual. This set contains elements that stand out for their originality and lack of direct analogues, which emphasizes its uniqueness. In addition, the study focuses on the description of the architectural characteristics of the burial structure, including its shape, dimensions and internal organization. The ground structure of the barrow is considered an important ethno-cultural sign, reflecting the peculiarities of the funeral ritual. Identified elements of the ritual reflect features of funeral practice typical for one of the Turkic-speaking groups. Correlation between new materials and written evidence confirms the presence of representatives of the Karluk and Kimak tribes in the territory of the studied area in the specified historical period. The analysis of the object complex, combined with the results of radiocarbon analysis, made it possible to establish the chronological boundaries of the construction of mound no. 3 in the period of the 8th-9th centuries.

Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Samashev, Z., Aitkali, A. 2024. To the study of the significance of ancient turks male belt sets. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 11–26 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.11–26](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11-26)

Зайнолла Самашев¹, Азат Айтқали^{1*}

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, философия докторы (PhD),
жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

Зайнолла Самашев¹, Азат Айтқали^{1*}

¹доктор исторических наук, профессор,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, доктор философии (PhD),
ведущий научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

Көне түрік кіселерінің сигнификасын зерделеу мәселесі

Мақала Тарбағатайдағы Елеке сазы археологиялық кешенінің көне түркі дәуіріне жататын № 3 обасын зерттеу барысында табылған материалдарды талдауға және түсіндіруге арналған. Қабір құрылысы «қаған-князь типті» діни-мемориалдық кешенге жақын жерде орналасқан. Обада әскери заттар, ат жабдығының элементтері және тұрмыстық заттардан тұратын құрал-жабдықтың мол жиынтығымен және жылқымен бірге жерленген адамның қабірі қарастырылды. Жерленген адамның жоғары әлеуметтік мәртебесін көрсететін әртүрлі пішіндегі 16 металл жапсырмадан тұратын белбеу жиынтығы ерекше қызығушылық тудырды. Жиынтық айрықша әрі аналогы жоқ элементтерден тұрады, бұл оның бірегейлігін көрсетіп тұр. Сонымен қатар зерттеу жерлеу құрылысының архитектуралық сипаттамасы, оның пішіні, өлшемдері және ішкі құрылымына бағытталған. Обаның жерүсті құрылысы жерлеу рәсімінің ерекшеліктерін көрсететін маңызды этномәдени көрсеткіш ретінде қарастырылады. Жалпы, жерлеу рәсімінің сәйкестендірілген элементтері түркітілдес топтардың біріне тән жерлеу рәсімінің ерекшеліктерін көрсететіні анықталды. Жаңа археологиялық материалдар мен жазбаша айғақтарды бірыңғай талдаудың нәтижесі қарлұқ пен қимақ тайпалық одақ өкілдері аталмыш тарихи кезеңде осы аумақта өмір сүргенін растайды. Заттық кешенді радиоқөміртекті талдау нәтижелерімен ұштастыру арқылы талдау обаның хронологиялық шегарасы VIII-IX ғасырлар аралығы деп белгілеуге мүмкіндік берді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Самашев З., Айтқали А. Көне түрік кіселерінің сигнификасын зерделеу мәселесі. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 11–26-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.11.26](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26)

К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрков

Статья посвящена анализу и интерпретации материалов, обнаруженных в процессе исследования кургана № 3 древнетюркского времени археологического комплекса Елеке сазы на Тарбагатае. Погребальное сооружение расположено в непосредственной близости от культово-мемориального комплекса «каганско-княжеского типа». В кургане исследовано захоронение индивида вместе с лошадью и богатым набором сопроводительного инвентаря, содержащим вещи военного назначения, элементы убранства лошади и бытовые предметы. Особый интерес представляет поясной комплект, состоящий из 16-ти металлических блях-накладок различной конфигурации, что указывает на высокий социальный статус захороненного индивида. Этот набор содержит элементы, выделяющиеся своей оригинальностью и отсутствием прямых аналогов, что подчёркивает его уникальность. Кроме того, исследование сосредоточено на характеристике архитектурных особенностей погребального сооружения, включая его форму, размеры и внутреннюю организацию. Наземное сооружение кургана рассматривается как важный этнокультурный признак, отражающий особенности похоронного ритуала. Идентифицированные элементы ритуала отображают черты погребальной практики, типичные для одной из тюркоязычных групп. Анализ вещевого комплекса, в сочетании с результатами радиоуглеродного анализа, предоставил возможность установить хронологические границы возведения кургана VIII-IX веками. Корреляция между новыми археологическими материалами и письменными свидетельствами подтверждает нахождение на территории изучаемого района представителей карлукских и кимакских племен в указанный исторический период.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Для цитирования: Самашев З., Айтқали А. К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрков. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 11–26.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.11.26](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26)

1 Введение (Самашев З., Айтқали А.)

На протяжении веков географическое расположение и уникальные природные характеристики Тарбагатая создавали идеальные условия для постоянного проживания человека, а также делали его важнейшим узлом на карте континентальных маршрутов, обеспечивая тесную связь

между Южной Сибирью, Западной Монголией, Жетысу и Центральной Азией. Эта стратегическая роль Тарбагатая в истории человечества подчёркивает необходимость глубокого изучения его культурного наследия, особенно периода раннего средневековья. Анализ существующих данных указывает на наличие актуальных вопросов, касающихся датировки, этнической идентификации и социального контекста идентифицированных археологических памятников древнетюркского времени.

В указанном регионе наибольшую степень изученности демонстрируют археологические объекты, относящиеся к категории поминальных комплексов, характеризующихся наличием каменных скульптур. Поисково-разведочными работами задокументированы десятки таких местонахождений [Самашев и др. 2010: 131]. Кроме того, исторический облик Тарбагатая дополняют наскальные изображения, представленные коллекцией выразительных гравировок, обнаруженных на скалах, окружающих горные стоянки, а также в рамках древних композиций, находящихся в изолированных локациях [Шер 1980: 121-122].

В контрасте с вышеупомянутыми археологическими объектами погребальные памятники, относящиеся к эпохе древних тюрков, по-прежнему остаются в значительной степени неизученными. Тем не менее, анализ материалов, происходящих с территорий, граничащих с Тарбагатаем, позволяют обозначить приблизительные рамки распространения определённой погребально-поминальной практики, которая, вероятно, была присуща конкретным этносоциальным группам, обитавшим в этом регионе в рассматриваемый период [Трифонов 1987: 115].

Учитывая фрагментарность данных, полученных в ходе исследований памятников Тарбагатая, возникает объективная необходимость в продолжении и углублении полевых изысканий для обогащения научной базы новейшей информацией. В этом контексте, наряду с непосредственными археологическими работами, приобретает критическое значение процесс публикации данных о раскопках прошлых лет, которые до настоящего времени не были интегрированы в академическую среду по различным причинам.

В настоящее время одним из ярких археологических комплексов древнетюркского времени на территории Тарбагатая является Елеке сазы. В последние годы результаты исследований комплекса под руководством З. Самашева обрели широкое применение в научной среде, что способствовало значительному расширению источниковедческой базы для комплексного изучения культурных особенностей населения данного региона.

Целью данной работы является введение в научный оборот и обобщение материалов, полученных в ходе археологических раскопок кургана № 3 в полевом сезоне 2021 года, расположенного в Тарбагатае (Тарбагатайский р-н, Абайская обл.).

2 Материал и методы исследования (Самашев З., Айткали А.)

2.1 Методы исследования

В рамках комплексного изучения кургана были использованы классические методы археологической науки, направленные на глубокое понимание его структуры и историко-культурного значения. Применение детального описания, картографирования, а также анализ топографии и планиграфии кургана позволили осуществить тщательное изучение археологического объекта. Существенным аспектом стал поиск датированных аналогий и использование элементов сравнительно-типологического анализа, что способствовало уточнению его культурной принадлежности. Немаловажное значение в данном контексте приобрело археозоологическое исследование, выполненное М.С. Шагирбаевым – сотрудником Института археологии имени А.Х. Маргулана. Изучение костных останков коня, обнаруженного в погребении, предоставило важную инфор-

мацию о погребально-поминальной обрядности раннесредневекового общества, подчеркнув роль захоронения этого животного в качестве показателя социального статуса усопшего.

Для уточнения времени возведения кургана был применён метод радиоуглеродного датирования, выполненный специалистами лаборатории Beta Analytic Radiocarbon Dating, расположенный в г. Майами, США (см. табл. 1), что значительно усилило достоверность хронологических оценок, позволяя более точно вписать памятник в общий исторический контекст региона.

Таблица 1 – Калиброванные даты по кургану № 3 из Елеке сазы 1-кесте – Елеке сазындағы № 3 оба бойынша болжанған (калибрленген) мерзімдер
Table 1 – Calibrated dates for the kurgan no. 3 from Eleke Sazy

Лабораторный шифр	Место сбора образца	Материал	14C BP	Калиброванная дата (1σ, 68.2%)		Калиброванная дата (2σ, 95.4%)	
Beta-608959	Могильная яма	зуб (лошади)	1240 ± 30	(31.4%)	787–828 cal AD	(55.8%)	758–880 cal AD
				(30.4%)	702–741 cal AD	(39.6%)	679–746 cal AD
				(3.2%)	690–696 cal AD		
				(3.2%)	862–868 cal AD		

2.2. Характеристика материала

Памятник расположен в 95 км к ЮЮЗ от посёлка Аксуат на восточном участке могильного поля Елеке сазы (Тарбагатайский р-н, Абайская обл.), где занимает третью надпойменную террасу правого берега р. Каргыба и входит в состав первой группы археологических памятников в данной локации (рис. 1).

Из этих объектов особый интерес представляет культово-мемориальный комплекс «каганско-княжеского типа». Этот уникальный археологический памятник, единственный известный сегодня такого масштаба на территории Казахстана, привлекает внимание своим архитектурным оформлением, выделяясь среди прочих мемориалов, принадлежащих элите раннесредневековых тюрок [Самашев и др. 2022]. Важно подчеркнуть, что структурно аналогичные комплексы, в основном, исследованы в Монголии в районе р. Орхон и связываются с периодом Второго Тюркского каганата.

Вокруг данного культово-мемориального комплекса сосредоточено множество разновременных погребально-поминальных сооружений с каменными насыпями, бóльшая часть которых остаётся скрытой под дёрном [Самашев и др. 2022: 81]. Особый интерес вызывает группа погребений, которая относится ко 2-й пол. I тыс. н.э., включая изученный нами объект.

Курган № 3 расположен в 5 м севернее ограды-рва вышеупомянутого культово-мемориального комплекса. До начала археологических работ на участке данный объект фиксировался на местности в виде сильно задернованной небольшой наброски с выделяющимися на поверхности камнями. Насыпь кургана, имевшего в разрезе уплощённую и подовальную в плане форму с оплывшими неровными очертаниями, сложена из скального плитняка и речных валунов (рис. 2). Диаметр сохранившейся насыпи на момент начала археологических раскопок составлял 6 м, высота 0.4 м.

При исследовании верхних слоёв насыпи в юго-западном и северо-восточном секторах на уровне древнего горизонта обнаружены фрагменты костей МРС и полукруглая металлическая полая накладка. После окончания выборки камней насыпи в центре кургана выявлена наземная конструкция в виде подчетырёхугольной каменной ограды, ориентированной стенками по сторонам света. Для сооружения ограды использовались плоские каменные плиты, изначально установленные вертикально на ребро. Средние размеры каменных плит, которые применялись в качестве

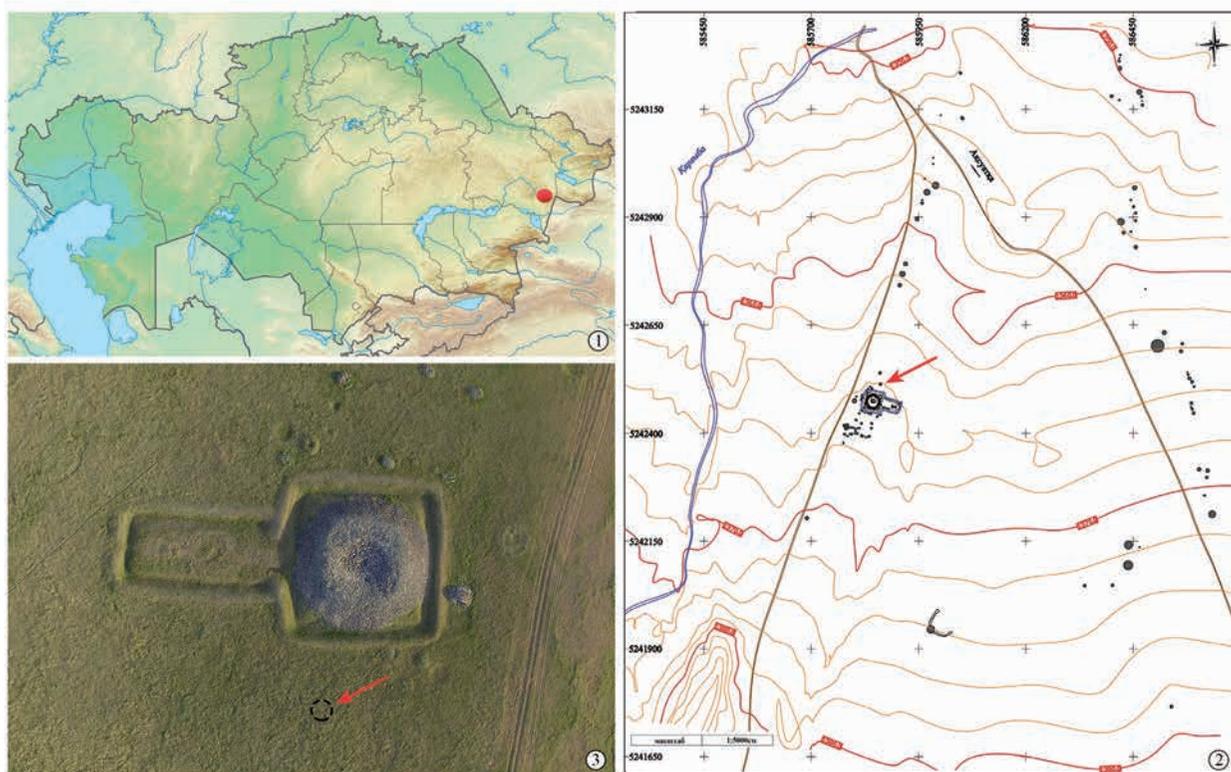

Рис. 1. Локализация памятника: 1 – на карте Казахстана; 2 – рядом с древнетюркским комплексом в долине Елеке сазы; 3 – на топографическом плане. Исполнитель: Ерболат Рахманкулов

1-сур. Ескерткіштің орналасуы: 1 – Қазақстан картасында; 2 – Елеке сазы алқабындағы көне түркі кешенінің жанында; 3 – топографиялық жоспарда. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 1. Localization of the monument: 1 – on the map of Kazakhstan; 2 – next to the ancient Turkic complex in the Eleke Sazy valley; 3 – on the topographic plan. Performer: Erbolat Rakhmankulov

материала для сооружения ограждения, составляли $0.5 \times 0.3 \times 0.1$ м. С течением времени, под воздействием давления грунта и массы камней, некоторые участки каменной конструкции подверглись деформации. Диаметр каменного ограждения составил 5 м. В центре сооружения выявлено перекрытие могильной ямы, состоящее из валунов среднего размера и крупных каменных плит. С северной стороны перекрытия зафиксировано нарушение структуры, чётко проявляющееся в изменении расположения камней наброски и наличии фрагмента ребра лошади, вынесенного на этот уровень.

В процессе поэтапного разбора конструкции была идентифицирована могильная яма овальной формы, ориентированная длинной осью по направлению восток–запад с небольшим отклонением. Заполнение её состояло из грунта вперемешку с мелкими камнями. В ходе углубления, на уровне 0.3 м от верхнего края могильной ямы, вдоль северной длинной стенки, на приступке был зачищен неполный костяк верховой лошади. Вероятно, отсутствие фрагментов верхней части туловища и головы животного может быть интерпретировано как результат воздействия грабителей, приведших к утрате указанных частей скелета.

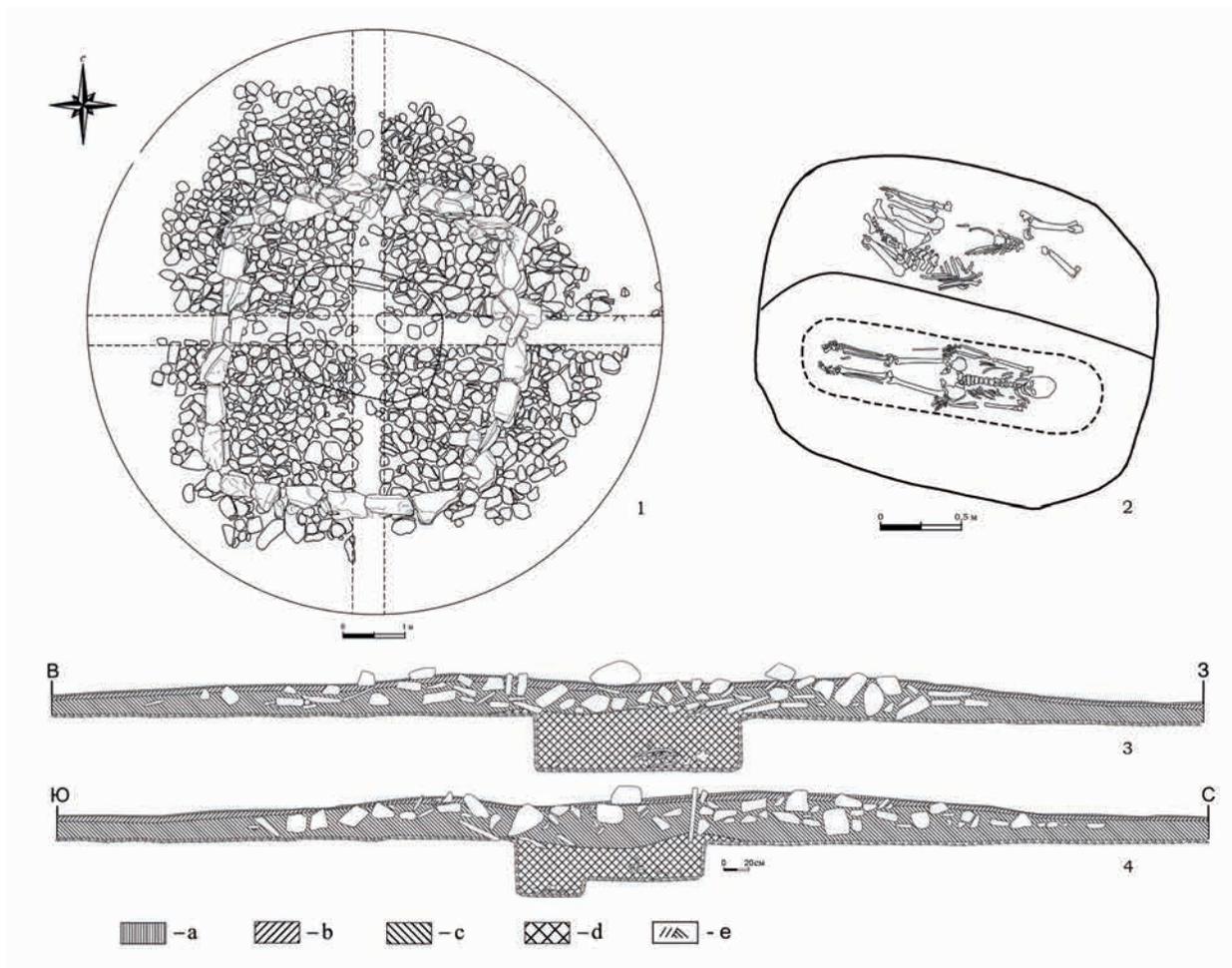

Рис. 2. Елеке сазы, курган № 3: 1 – план кургана; 2 – план погребения; 3–4 – разрезы кургана (а – дёрн; б – тёмно-серый гумусированный суглинок; с – светло-серый суглинок; d – тёмно-коричневый суглинок; е – серый суглинок (материк)). Исполнитель: Ерболат Рахманқұлов

2-сур. Елеке сазы, № 3 оба: 1 – обаның жоспары; 2 – қабір шұңқырының жоспары; 3-4 – обаның қималары (1 – шым; 2 – қара сұр қарашірік саздақ; 3 – ашық сұр саздақ; 4 – қара қоңыр саздақ; е – сұр саздақ (материк)). Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 2. Eleke sazy, mound no. 3: 1 – plan of the mound; 2 – burial plan; 3-4 – stratigraphy of the mound (1 – turf; 2 – dark gray humified loam; 3 – light gray loam; 4 – dark brown loam; e – gray loam (bedrock)). Performer: Erbolat Rakhmankulov

В то же время сохранившиеся кости остались нетронутыми. На основе этих останков можно предположить, что первоначально животное лежало на животе с поджатыми под брюхо конечностями, а положение черепа соответствовало направлению головы погребённого человека. Исходя из анализа биометрических данных, стало известно, что лошадь имеет высоту в холке около 120–128 см. С учётом данной характеристики лошадь можно классифицировать как принадлежащую к категории особей ниже среднего роста.

В области, предположительно совпадающей с местоположением черепа животного, обнаружены декоративные элементы конского снаряжения, в числе которых две бронзовые бляшки, а

также роговая подпружная пряжка с язычком, расположенная в районе бедренных костей. Некоторые компоненты конской амуниции (тройник-распределитель ремня, концевая бляха-накладка) обнаружены в непосредственной близости от погребённого. Перемещение этих предметов с изначального местоположения, по-видимому, обусловлено геологическими процессами или действиями почвенных животных.

Возле южной продольной стенки могильной ямы, немного ниже приступка, на глубине 0.5 м от древнего горизонта выявлен полный скелет погребённого человека, который сохранил свое исходное положение *in situ*. Костяк представлен в вытянутой позе, лёжа на спине, с руками, расположенными вдоль туловища, и ориентацией головы на восток. В области тазовых костей и частично под ними обнаружены детали поясной гарнитуры, включающие в себя металлические декоративные накладки разнообразных форм и железную пряжку с подвижным язычком. В районе правой бедренной кости обнаружен железный наконечник стрелы, а вблизи фаланг правой руки – железный нож. Изделие в виде железной концевой бляшки найдено вблизи голеностопного сустава погребённого. Иные предметы сопроводительного инвентаря не обнаружены.

3 Анализ и обсуждение (Самашев З., Айткали А.)

Рассмотрение структурных параметров каменной ограды, выявленных обрядовых элементов практики, а также обнаруженных артефактов, способствуют установлению культурного контекста и временных рамок исследованного объекта.

Разнообразные структуры в форме оград, выполнявших функцию сакрального пространства для выполнения ритуальных действий и жертвоприношений, представляют собой одну из древнейших категорий археологических памятников, обнаруженных в степной и горно-долинных зонах Евразии. В эпоху существования могущественных каганатов тюрков-тугю (VI–VIII века) каменные ограды прямоугольной формы преимущественно использовались для ритуальных или мемориальных целей. Чуть позднее фиксируется возведение таких оград под насыпями погребально-поминальных сооружений конца I – начала II тысячелетия н.э.

Близкие структурные аналогии и обрядовые характеристики, сопоставимые с элементами рассматриваемого нами объекта, отмечаются в археологических комплексах, датируемых IX–X веками и расположенных на территории Восточного Казахстана. Наиболее показательны в этом отношении материалы курганов, изученных в зоне, подвергшейся затоплению в результате строительства Шульбинской ГЭС [Трифонов 1987: 115]. Среди характерных особенностей выделяются четырехугольные ограды под насыпями, возведённые из горизонтально уложенных каменных плит, иногда с использованием вертикальных стел. В значительной части погребений присутствуют сопроводительные захоронения коней, которые часто размещаются параллельно человеческим останкам и с сохранением одинаковой ориентации, включая случаи, когда кони помещаются на приступках [Могильников 1981: 44]. Памятники с подобными наземными сооружениями исследованы на могильниках Карашат I (к. 21–23, 26), Джартас (к. 6), Темир-Канка II (к. 2), Акции II (к. 1), Когалы I (к. 9), Кызыл-Кайын [Трифонов 1987: 115–243].

По мнению Ф.Х. Арслановой, наличие надмогильных сооружений в виде четырёхугольной ограды – характерная черта Прииртышских кимаков [Арсланова 2013: 135–139, 310; Арсланова, Самашев 1987: 122]. Однако следует учитывать, что особенности наземных сооружений не могут рассматриваться как исчерпывающий этнический признак без учёта других аспектов погребальной практики. Это особенно актуально в контексте полиэтничности кимакского объединения.

Письменные свидетельства также указывают на присутствие кимаков в районе Тарбагатая. Однако, прежде чем кимаки заселили эти земли, а именно до 766 года, регион был заселен кар-

луками [Кумеков 1972: 55]. Для последних, по мнению ряда учёных, характерны подкурганые погребения, совершённые по обряду труположения с конём [Кубарев 2021: 321; Могильников 1981: 46]. С учётом имеющейся информации, этнокультурная атрибуция данного памятника остаётся недостаточно определённой.

Вещевой комплекс погребения содержит атрибуты конского снаряжения и предметы, относящиеся к человеку (рис. 3). К компонентам снаряжения верховой лошади относятся три металлических бляхи-накладки, тройник-распределитель ремня, а также роговая пряжка с подвижным язычком, предназначенная для регулирования и стягивания подпруги.

Металлические бляхи-накладки, предназначенные для крепления на функциональных ремнях амуниции верховой лошади, имеют различные формы и способы их фиксации. Первая бляха-накладка сердцевидной формы с выпукло-вогнутым сечением и гладкой поверхностью. Размеры: длина 1.7 см, ширина 2 см. Нижний край бортика изделия повреждён. На обратной стороне корпуса выделяются два шпенька с острыми окончаниями для прокалывания ремня, концы которых были загнуты во внутреннюю сторону. Идентичные накладки с аналогичными особенностями крепления найдены в богатых кимакских погребениях Зевакинского комплекса (к. 99, 103) и мог. Меновное XII (к. 1) [Арсланова 1972: 60–62; Ткачев, Ткачев 2022: 63].

Вторая концевая бляха-накладка представляет собой гладкую пластину прямоугольной формы с округлым завершением. Размеры: длина 2.3 см, ширина 1.5 см, высота бортиков – 0.3-0.4 см. На тыльной стороне концы двух шпеньков приварены к поверхности корпуса, образуя тем самым петельки.

Третья бляха-накладка, имеющая форму гладкой прямоугольной пластины с округлым концом также служит концевым элементом ремня. В отличие от предыдущего, выделяется более крупными размерами: длина 3.2 см, ширина 2.3 см, высота бортиков 0.2-0.3 см. На задней поверхности бляхи-накладки имеется три шпенька и фиксирующая пластина, дублирующая форму корпуса. Подобные накладки имеют широкий ареал в степях Евразии во 2-й пол. I тыс. н.э. [Распопова 1980: 91-92].

Тройник-распределитель ремня диаметром 3 см округлой формы с тремя небольшими выступами по внешнему краю. Имеет округлую центральную часть и три выраженных дуговидных прорези. Изделия подобного типа широко распространены среди древностей средневековья лесостепной зоны Евразии. Впервые зафиксированные в таштыкской культуре, позднее они встречаются в материалах кимаков Восточного Казахстана, енисейских кыргызов, сросткинской культуры и населения Южного Урала в раннее средневековье [Приймак 2011: 158; Троицкая, Новиков 1998: 56; Мажитов 1977: 195, 198]. Широкий спектр аналогий позволяет определить датировку тройника-распределителя из Елеке сазы в пределах VIII–X вв.

Найденная подпругная пряжка относится к широко распространённым компонентам сопроводительного инвентаря, что типично для погребений, связанных с наличием верховых коней. Пряжка – т. н. невыделеннорамчатая характеризуется прямыми боковыми сторонами, которые немного расширяются в верхней части, а также имеет верхний вырез в форме буквы «Т» и горизонтально ориентированный нижний срез. Развитие данной категории предметов произошло на основе роговых пряжек, используемых в скифо-сакское и гунно-сарматское время [Овчинникова 1990: 113–115; Кубарев 2005: 134-135]. Разнообразные варианты подпругных пряжек имели широкое распространение и во 2-й пол. I тыс. н.э. Следовательно, определение точной датировки этих предметов затруднительно, учитывая их использование в широком временном интервале.

Из предметов вооружения, обнаруженных вблизи погребённого, выявлены железный накол стрелы и короткое клинковое оружие – железный нож. Последний характеризуется одно-

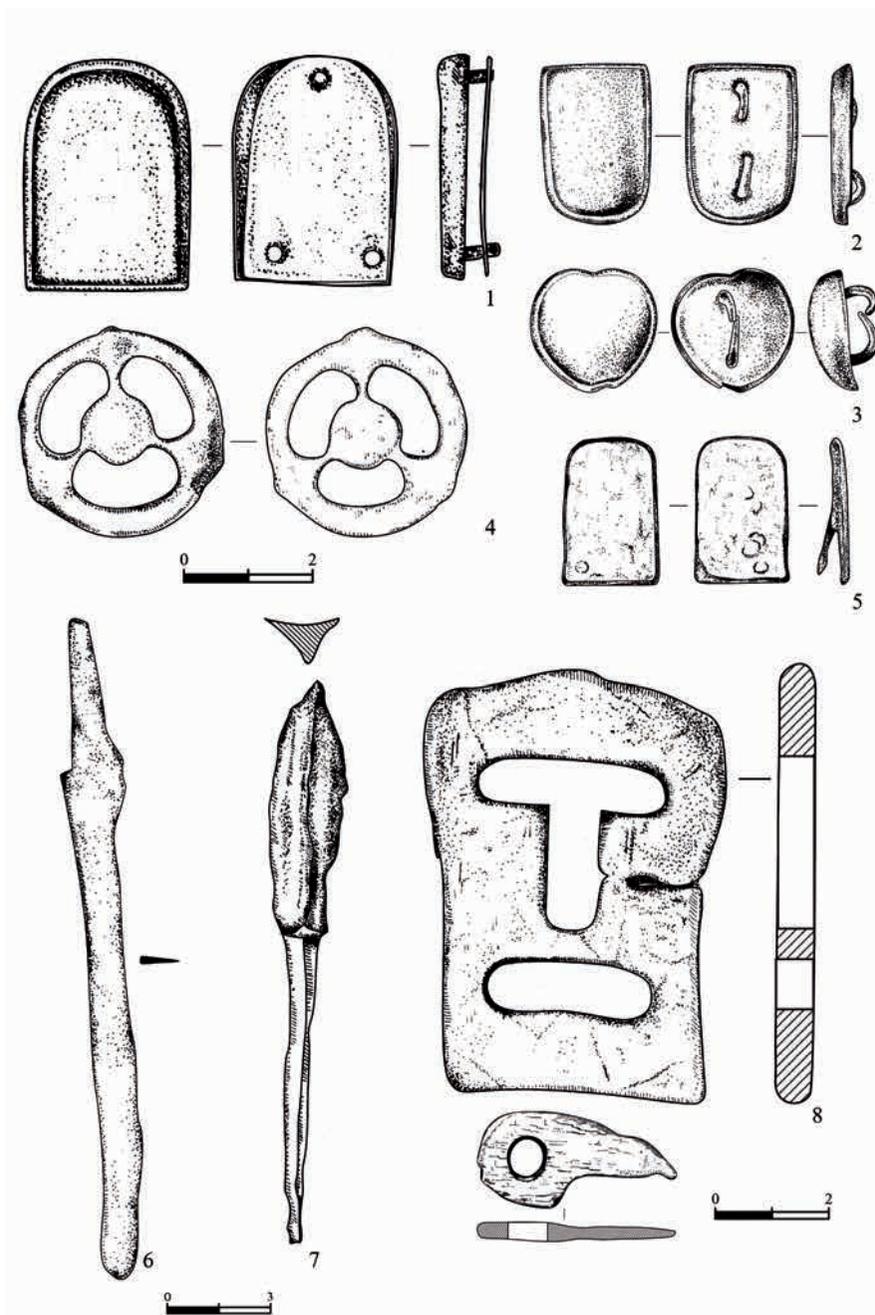

Рис. 3. Елеке сазы, курган № 3. Находки: 1–3 – наременные бляхи-накладки конской упряжи; 4 – тройник; 5 – бляшка от обуви; 6 – железный нож; 7 – железный наконечник стрелы; 8 – костяная подпружная пряжка с язычком. Исполнитель: Ерболат Рахманкулов

3-сур. Елеке сазы, № 3 оба. Табылған заттар: 1–3 – ат әбзелінің белдік жапсырмалары; 4 – үшайыр; 5 – аяқкіім қапсырмасы; 6 – темір пышақ; 7 – темір жебе ұшы; 8 – тілшігі бар сүйектен жасалған айылбас. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 3. Eleke sazy, mound no. 3. Finds: 1–3 – horse harness belt plates; 4 – belt distributor; 5 – shoe plaque; 6 – iron knife; 7 – iron arrowhead; 8 – bone girth buckle with a tongue. Performer: Erbolat Rakhmankulov

сторонним клинком треугольного сечения и прямой рукоятью, имеющей два плечика при переходе к клинку, при этом более выраженное из них находится со стороны лезвия, а менее выраженное – со стороны спинки. Общая длина ножа 19 см, клинок – 14.5×1.4 см, черенок – 1.7×0.5 см. Прямые аналогии данному типу ножей обнаружены во многих археологических комплексах Алтая 2-й пол. I тыс. н.э. [Горбунов, Тишкин 2022: 62; Горбунов 2006: 78-79].

Железный наконечник стрелы классифицируется как трёхгранный. Общая длина его составляет 9 см, длина пера 4 см, ширина 1.2 см, длина черешка 5 см. Традиция использования наконечников, оснащённых трёхгранным пером, на рассматриваемой территории сохранялась длительный период на протяжении всего I тыс. н.э. [Горбунов 2006].

Неорнаментированная металлическая концевая бляха, обнаруженная в районе голеностопного сустава, вероятно, относится к атрибуту обуви и имеет продолговатую форму с закруглённым концом. На противоположном конце корпус бляхи раздваивается, что, по всей вероятности, предназначено для обеспечения механизма фиксации детали обуви. На поверхности бляхи присутствуют следы износа. Близкая по оформлению концевая бляха найдена в кургане № 5 могильника Уландрык III, датированного в пределах VIII – 1-й пол. IX в. [Кубарев 2005: 53, рис. 14, 5; 2021: 309].

При зачистке скопления элементов поясной гарнитуры обнаружено множество оригинальных составных компонентов (рис. 4). Далее проанализируем атрибуты каждого из них и проведём поиск аналогий.

Железная пряжка с подвижным язычком представляет собой монолитную конструкцию с неподвижным щитковым соединением и рамкой овальной формы. Общая длина пряжки – 3.3 см, ширина рамки 1.4 см, длина рамки 2.4 см, ширина щитка 1.6 см, длина щитка – 2 см. Щиток пряжки с округлым концом вытянут по продольной оси. Крепление пряжки к ремню осуществлялось при помощи трёх шпеньков, проходивших сквозь щиток с выпуклыми шляпками, которые, в свою очередь, служили декоративными элементами. Верхняя часть щитка характеризуется наличием выреза, вероятно, предназначенного для основания язычка. Подобные пряжки использовались ещё в хуннскую эпоху и оставались в употреблении на протяжении всего I тыс. н.э. [Савинов 1984: 137-138]. Ряд исследователей распространение пряжки рассматриваемого типа относят к VIII-IX векам [Овчинникова 1990: 28-29; Ковалевская 1979: 15-16].

Остальные бляхи-накладки можно разделить на геометрические и фигурные в соответствии с их морфологическими особенностями. К фигурным бляхам-накладкам относятся две сердцевидной формы. Размеры: длина 1.7-1.8 см, ширина 1.8-1.9 см, высота бортиков 0.3-0.4 см. Каждая выполнена из пластины с бортиками, которые слегка расширяются от основания к верхнему краю. Поверхность неорнаментированная, в центральной части с округлой прорезью диаметром 0.6-0.7 см, немного смещённой к верхнему краю. На тыльной стороне изделий расположено по три шпенька в виде цилиндрических стержней. На них надевались дополнительные крепёжные элементы – фиксаторы, изготовленные из тонкой пластины, которые повторяли очертания корпуса. Аналогичные сердцевидные бляхи-накладки, как правило, использовались для декорирования концов ремней и фиксации язычка пряжки [Кубарев 2005: 54]. В некоторых случаях встречаются пояса, украшенные только такими накладками [Евтюхова 1952: 88-89, рис. 26]. Кроме того, они широко применялись в комплектации стрелковых поясов, обеспечивая крепление ремней к рас пределителям [Горбунов 2009: 126]. Образцы накладок аналогичной формы обнаружены в Пенджикенте в слое, относящемся к середине VIII века [Распопова 1980: 89-90]. В период владычества кимако-кыпчакского объединения население Алтая, Казахстана и Южного Урала отдавало предпо-

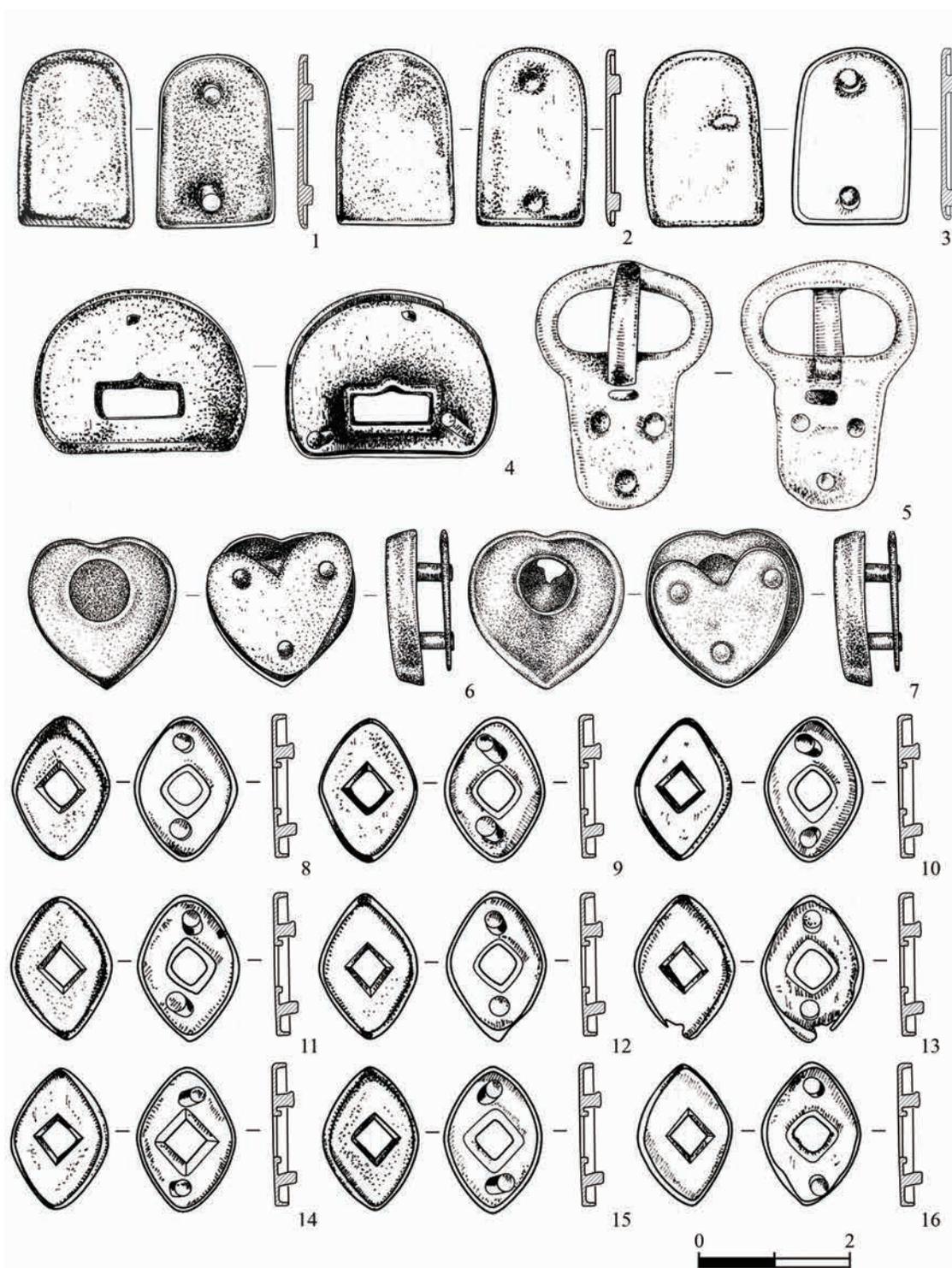

Рис. 4. Елеке сазы, курган № 3: 1–16 – элементы поясного набора. Исполнитель: Ерболат Рахманкулов
4-сур. Елеке сазы, № 3 оба: 1–16 – белдік жиынтығының элементтері. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов
Fig. 4. Eleke sazy, mound no. 3: 1–16 – elements of the belt set. Performer: Erbolat Rakhmankulov

чение поясам с бляхами в виде растительных мотивов и сердец [Чариков 1980: 217-218; Могильников 2002: 31; Добжанский 1990: 40, 44; Мажитов 1977: 34].

В анализируемом ассортименте наборного пояса преобладают весьма редкие ромбовидные бляхи-накладки. Зафиксировано девять единиц размерами 1.8×1.4 см, высота бортиков варьирует в пределах 0.2-0.3 см. В середине каждой присутствует прорезь, имитирующая очертания внешнего периметра накладок. Рассматриваемые бляхи-накладки не имеют прямых аналогий в находках поясных гарнитур из памятников древнетюркского времени. Однако схожие по форме, но имеющие конструктивные различия, ромбовидные накладки обнаружены в могильнике сrostкинской культуры Иня-1 (к. № 16). Памятник расположен на территории Алтайского края и датируется периодом 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. [Горбунов 2009: 125; 2020; Неверов, Горбунов 2001: 176]. Другая находка ромбовидной накладки с округлой прорезью в центре была найдена в позднекочевническом могильнике Бирский (IX-X вв.) на территории Южного Урала [Мажитов 1977: 190].

К группе геометрических относятся три бляхи-накладки, характеризующиеся гладкой поверхностью, прямыми верхними срезами и овальными концами. Рассматриваемые образцы демонстрируют идентичные параметры: длина 2 см, ширина 1.3 см, высота бортиков 0.3-0.4 см. На тыльной стороне каждого изделия присутствовали одинаковые крепёжные элементы в виде двух шпеньков. На основе морфологических характеристик анализируемые типы изделий определяются как наконечники поясного ремня или привесок. Впрочем, существует вероятность и того, что некоторые из них служили в качестве декоративных накладок. К примеру, в Пенджикенте, на одной из стен парадного зала (помещение 1) объекта XXIV представлена сцена застолья, при этом возле одного из персонажей изображён снятый пояс. На этом поясе между прямоугольными пластинами с прямоугольным вырезом находятся накладки без вырезов, один конец которых выполнен прямым, а второй овальным [Распопова 1980: 97, рис. 67, 8]. Широкое распространение рассматриваемых компонентов поясной гарнитуры на территории Южной Сибири и Центральной Азии приходится на VII–IX века [Кубарев 2005: 49; Торгоев 2011: 445].

Поясной набор дополняет бляха-накладка сегментовидной конфигурации, найденная под насыпью юго-западного сектора кургана. Обстоятельства обнаружения данного предмета не исключают его принадлежность к поясной гарнитуре погребённого. Изделие полукруглой формы с отсечённой нижней частью и продольной узкой прорезью с мыском в верхней части. Размеры: длина 2.1-2.2 см, ширина 2.2-2.3 см, высота бортика 0.3-0.4 см. В верхней части накладки прослеживается отверстие, а на обратной стороне корпуса – крепёжные шпеньки. Анализируемый предмет находит широкие соответствия в наборе поясных принадлежностей, происходящих из археологических комплексов VII-VIII вв. Прямые аналогии бляхе-накладке нередко фиксируются на изваяниях раннетюркского времени [Распопова 1980: 89-90; Евтюхова 1952].

Подводя итог анализу поясного набора, следует подчеркнуть следующее. Все бляхи-накладки пояса литые, не имеют орнаментации и прикреплялись к основе при помощи шпеньков (в количестве от двух до трёх на каждую пластину). Причём концы отдельных из них демонстрируют признаки изгиба и сплющивания, что может указывать на их длительное использование. Отличительной особенностью данного комплекта является интеграция разнообразных по оформлению компонентов в едином ансамбле. К тому же набор включает в себя составляющие, которые выделяются своей оригинальностью и отсутствием прямых сопоставимых аналогов. Упомянутые особенности придают этому поясу уникальный характер, что отражает достаточно высокий статус погребённого.

Анализ инвентаря и радиоуглеродные даты позволяют установить хронологические рамки сооружения кургана в пределах VIII-IX веков. Выявленные элементы обряда отражают особенно-

сти погребальной практики, характерные для одной из тюркоязычных групп. Исходя из имеющейся информации, вопрос этнокультурной принадлежности памятника остаётся неразрешённым и нуждается в дополнительных сведениях. В то же время, упоминания о кимаках и карлуках в письменных источниках соответствующего периода на рассматриваемой территории предоставляют основание сузить круг поиска.

4 Заключение (Самашев З., Айткали А.)

Материалы кургана № 3 археологического комплекса Елеке сазы, представленные в данной статье, являются значимым дополнением к уже существующему корпусу археологических исследований памятников Тарбагатая, расширяя наше понимание исторической динамики и культурного разнообразия данной территории. Предстоящие археологические работы в регионе предусматривают выполнение комплекса задач, направленных на детальное изучение и документирование археологических находок, что несомненно будет способствовать углублению знаний о древнетюркской культуре.

Первостепенное значение придаётся проведению археологических раскопок и аккумуляции данных для последующего научного анализа, что позволит выявить не только культурные и исторические особенности, но и социально-экономическую организацию раннесредневековых обществ. Важной составляющей предстоящих исследований является применение естественнонаучных методов для датировки археологических объектов, что в сочетании с картографированием значительно усилит точность определения хронологических рамок и географического расположения изучаемых памятников.

Кроме того, особое внимание будет уделено сопоставительному анализу с археологическими памятниками из других регионов, таких как Алтай, Жетысу и Монголия. Это направление работы позволит на более широком материале реконструировать миграционные маршруты, расширить представления о границах расселения и взаимодействиях между различными этнокультурными группами. Интеграция данных из различных источников, включая наскальные изображения, тамги, письменные свидетельства, будет способствовать комплексному подходу к вопросу определения этнической и культурной идентичности тюркоязычных кочевников, их социальной структуры, экономической основы и культурных взаимодействий.

Таким образом, дальнейшие исследования не только укрепят наше понимание исторического и культурного наследия Тарбагатая, но и откроют новые горизонты для будущих открытий, способствуя развитию и углублению междисциплинарных исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56-76.
- 2 Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. МИАК. Т. III / Под общ. ред. З. Самашева. Сост. Б.М. Хасенова. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. 405 с.
- 3 Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Наука, 1987. С. 122-134.
- 4 Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.
- 5 Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 120-130.
- 6 Горбунов В.В. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. С. 34-40.

- 7 Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сроткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 320 с.
- 8 Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- 9 Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии / Материалы и исследования по археологии Сибири. Вып. 24 / Отв.ред. С.В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72-120.
- 10 Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки / Свод археологических источников. Вып. Е1-2. М.: Наука, 1979. 112 с.
- 11 Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2005. 400 с.
- 12 Кубарев Г.В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб: ИИМК РАН, 2021. С. 305-323.
- 13 Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- 14 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- 15 Могильников В.А. Кимаки. Сроткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43-46.
- 16 Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- 17 Неверов С.В., Горбунов В.В. Сроткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. С. 176-178.
- 18 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1990. 223 с.
- 19 Приймак В.В. Ременные распределители эпохи средневековья // Археологія і давня історія України. 2011. Вып. 7. С. 157-165.
- 20 Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.
- 21 Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник 1972 / Отв.ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. М.: Наука, 1973. С. 339-350.
- 22 Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- 23 Самашев З.С., Сапашев О., Оралбай Е., Исин А., Толегенов Е., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана. Алматы: ТОО «Археология», 2010. 216 с.
- 24 Самашев З.С., Айткали А.К., Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. № 2. С. 21-34.
- 25 Самашев З.С., Айткали А.К., Жуматаев Р.С. Образ фантастического зверя в искусстве и мифологии древних тюрок // Вестник КазНУ. 2022. № 2. С. 81-88.
- 26 Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Элитное погребение раннетюркского времени из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3. С. 58-69.
- 27 Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115-246.
- 28 Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- 29 Торгоев А.И. О происхождении и времени распространения поясов катандинского типа // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3 / Отв.ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 432-446.
- 30 Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 213-234.
- 31 Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

REFERENCES

- 1 Arslanova, F. K. 1972. In: Akishev, K. A. (ed). *Poiski i raskopki v Kazakhstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 56-76 (in Russian).
- 2 Arslanova, F. K. 2013. Samashev, Z. (ed.), Khasenova, B. (compl.). *Ocherki srednevekovoy arheologii Verhnego Priirtysh'ya (The sketches of medieval archaeology of the Upper Irtysh river region)*. Astana: the branch of the Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 3 Arslanova, F. K., Samashev, Z. S. 1987. In: Kuzev, R. G. (ed). *Problemy srednevekovoy arkheologii Urala i Povolzhya (Problems of medieval archaeology of the Urals and Volga region)*. Ufa: "Nauka" Publ., 122-134 (in Russian).
- 4 Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) (Military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part I: Offensive weapons (weapons))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- 5 Gorbunov, V. V. 2009. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 5, 120-130 (in Russian).
- 6 Gorbunov, V. V. 2020. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhraneniye i izucheniye kulturnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai region)*. Vol. XXVI. Barnaul: Altai State University Publ., 34-40 (in Russian).
- 7 Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kultury na Priobskom plato (Mounds of the Srostkinsk culture on the Priobsky plateau)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- 8 Dobzhanskiy, V. N. 1990. *Nabornyye poyasa kochevnikov Azii (Stacked belts of Asian nomads)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- 9 Evtyukhova, L. A. 1952. In: Kiselev, K. A. (ed). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and research on the archaeology of Siberia)*. Issue. 24). Moscow: USSR Academy of sciences, 72-120 (in Russian).
- 10 Kovalevskaya, V. B. 1979. *Poyasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki (Belt sets of Eurasia 4th–9th centuries. Buckles)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 11 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) (Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funeral monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ. (in Russian).
- 12 Kubarev, G. V. 2021. In: Smirnov, N. Y. (ed). *Tvoretz kultury. Materialnaya kultura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii (Creator of Culture. Material culture and spiritual space of man in the light of archaeology, history and ethnography)*. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 305-323 (in Russian).
- 13 Kumekov, B. Y. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–X vv. po arabskim istochnikam (Kimak state of the 9th–10th centuries. according to Arabic sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 14 Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhnyy Ural v VII–XIV vv. (Southern Urals in the 7th–14th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 15 Mogilnikov, V. A. 1981. In: Pletneva, S. A. (ed). *Stepi Yevrazii v epokhu Srednevekovya (Steppes of Eurasia in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 43-46 (in Russian).
- 16 Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh (Nomads of the northwestern foothills of Altai in the 9th–11th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 17 Neverov, S. V., Gorbunov, V. V. 2001. In: Chindina, L. A. (ed). *Prostranstvo kultury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir i sopredelnyye territorii (Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories)*. Tomsk: Tomsk State University, 176-178 (in Russian).
- 18 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskiye drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh (Turkic antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
- 19 Priymak, V. V. 2011. In: *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and early history of Ukraine)*, 7, 157-165 (in Russian).

- 20 Raspopova, V. I. 1980. *Metallicheskiye izdeliya rannesrednevekovogo Sogda (Metal products of early medieval Sogd)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 21 Savinov, D. G. 1973. In: Konopatsky, A. K. (ed). *Tyurkologicheskiy sbornik 1972 (Turkological collection 1972)*. Moscow: “Nauka” Publ., 339-350 (in Russian).
- 22 Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyurykskuyu epokhu (Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era)*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (in Russian).
- 23 Samashev, Z. S., Sapashev, O., Oralbay, Y., Isin, A., Tolegenov, Y., Saylaubay, Y. 2010. *Pamyatniki monumentalnogo iskusstva Vostochnogo Kazakhstana (Sites of monumental art of Eastern Kazakhstan)*. Almaty: TOO “Arkheologiya” Publ. (in Russian).
- 24 Samashev, Z. S., Aitkali, A. K., Tolegenov, E. 2022. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 2, 21-34 (in Russian).
- 25 Samashev, Z. S., Aitkali, A. K., Zhumataev, R. S. 2022. In: *Vestnik KazNU (Bulletin of history KazNU)*, 2, 81-88 (in Russian).
- 26 Tkachev, A. A., Tkachev, Al. Al. 2022. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 3, 58-69 (in Russian).
- 27 Trifonov, Y. I. 1987. In: Akishev, K. A. (ed). *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy GES (Archaeological monuments in the flood zone of the Shulbinskaya hydroelectric power station)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 115-246 (in Russian).
- 28 Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kultura v Novosibirskom Priobiye (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob river region)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (in Russian).
- 29 Torgoev, A. I. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Kazakhstan archaeology)*. Issue. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola” Publ., 432-446 (in Russian).
- 30 Charikov, A. A. In: Pletneva, S. A. (ed). 1980. *Srednevekovyye drevnosti yevraziyskikh stepey (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ., 213-234 (in Russian).
- 31 Sher, Y. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentralnoy Azii (Petroglyphs of Central and Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.04.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.05.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2024.

